

О л е г
О х а н к и н

Носифу Бродскому

1.

Тебе, небесный брат, оратор вольный,
Тебе мой шурт и лавер с тех пор, как Смоленский
Собор нас посылит друг другу. Ты
Забить не должен горной высоты,
Где мы с тобой пред гордами и Богом
Стоим и по сей день двойным итогом
Нестидесятых века. Как сон
Презвие нас и наших дружных муз.

2.

Ты пошлешь неба точное молчанье,
Когда нам показалось, что взычанье
Столь иной высотой — забавный шурт?
Не для того же кунал сей воздаст
Преславленный Растрелли, чтобы слава
Поэта наших дней, уми, без права
Стать всенародной, вырвалась из мест
Столь отдаленных и под самый крест

3.

Над Смоленским вдруг однажды возверила
Тебя, чтоб чернь в потемках говорила
Как совесть православная Русь.
Но, слава Богу, блии караси
Идеалисти даже в наше время! —
Их возмущало праведное бремя
Пророка. Таковы России сии.
Их сиятся убийстве сии.

4.

Но что России! К какой выщей славе,
Пророки не нуждаются в державе,
Равно, что и она в них. По сей день
Каменьями их был кому не лень:
Не только правозерный кам, но чаше
Злата — те, кому $\odot$ волками в чаше
Вить, а не паству никому паста,
Не дай нам Бог у этих быть в чести!

5.

И все же. Что за случай приоткрылся!..
Тот день для нас воистину счастливей.
Вздох, ни тогда наверняка
Не ведали, что случай рука
Нас возвел над храмом запустенья
Ватен, чтоб мы на грани средостенья
Земли и неба вымолчали суть
Друг друга... Кастор, брата не забудь!

6.

Я - брат тебе, прости, тобой названный
Поэтом, - Поликлеик, Зевесом данный
Последователь, криво, не прямой,
Но потный. Ты помнишь, за верной
Буксира на Весе плоти лежали...
И к берегу заведомо прижали
Буксиром плотогоня, чтоб воити
Искусно в устье Охты. Не найти

7.

Мне лучшего сравненья, ты ведь знаешь,
Как третий год мой длиноты правнень,
Навер не плотогоня и на войне
Обоим поучителем. Но мне
Так вовсе не учиться... Но искусство
Предполагает искусство - чувство,
Поверенное разумом, как плот,
Когда буксир, не тащит, но везет.

8.

Тогда течение слов - необходимость.
Поток несет, Заведомая мизантропия
Самоуправства смысла такова,
Что нас наводит мысли на слова,
Но что не нам уроки лесосплава?
Все дело в том, что длинный хвост состава
Теченьем развернуло поларек
Неви. Тогда я понял как далеко

9.

Был уносил тех оплывающих. Покуда
Буксир с рекой боролся, ни оттуда,
С собора то есть, разглядеть могли
Как Врня и течение помогли

Завесть плоти искусным плотогонам
 Внутрь горловины Охты по законам
 Течения рек без лишней суеты.
 Не так ли, друг, со мною дружить ты?

10.

Но к делу. Наша вылазка на купол -
 Не то, что полагает Лена Кумпан
 И остальные дамы - наш оплот -
 Гадушко, скажем, что Охаткин - плот,
 А Бродский - тот - буксир... Куда не легче!
 Попробовали б сами! Мы не веши,
 И все-таки, на верхотуру встав,
 Мы видели плоти, весь их состав,

11.

И, здраво мысли, так и утверждаем:
 Мы смотрим сверху, сим и побеждаем.
 Величье сильных - гаурская стать.
 Что в наше время мир? А наплевать!
 Я рассказал еще одну легенду
 И снисхожденья не прощу в аренду,
 Но что же делать, генкален тот,
 Кто гений, хоть и гением сливет.

12.

Итак, тебе, любезный небожитель,
 Мой мирт и лавр, не я, спаси, святитель,
 Я сам себе и бабам пригожусь,
 Но нашим братством ревностно горжусь,
 Затем что те, кто в небе - Диоскуры,
 Не могут состязаться из-за дуры
 Ледяной славы где-нибудь на Невском,
 Что судит о Толстом и Достоевском.

13.

День нашего знакомства был иныи.
 Когда бы Зевс доверил нам перун,
 Которым правит Случай - ослий рок,
 То и тогда событиям понарек
 Мы вряд ли так удачно угадали
 День встречи нашей - близнецами стали.
 Не так ли? Диоскуры - Зодиак
 Иныи. Как ни вешают собак

14.

На нас, мы все же — братья, и собаки —
 Наш общий крест. Когда дойдет до драки,
 Ты, Кастор, я уверен, примешь бой,
 А Полидевк, поверь, всегда с тобой.
 Но что до Марса, вряд ли ближе к пальмам
 Сместится он... Как говорится, дай нам,
 Великий Зевс, надеяться на то —
 Сносить бы нам не головы — пальто.

15.

Уж как-нибудь нашлись бы из силенок
 Последних по цене комиссионок
 Держанный драп сменить на замшу. Дай
 Нам Бог смиренья не глядеть за край
 Привычной нищеты и униженья! —
 Не греки мы, чтоб наше обнаженье
 Гарантией свободы стало нам.
 Не многого хотим — прикрыть бы срам.

16.

По нашим временам опасно нищим
 Прослыть. Кого еще в России сыщем
 Из немущих, как не гордецов?
 Когда б могли мы слить за подлецов,
 Иль, что еще ужасней, — компромиссов,
 Мы не знали б в воздухе провисов,
 Писали бы не в стол, наверняка,
 Да вот беда, мы пишем на века.

17.

Но это-прирожденная заслуга.
 И в счет ее нам по ночам Фрамуга
 Не застит Млечный Путь, когда мороз
 Трещит, как бы писательский понос,
 И мы за самой горькой сигаретой
 Отмечены в ночи особой метой:
 Один чуть рыж, другой приметно рус,
 Как братья в небе — Кастор и Поллукс.

18.

Когда ж об эстафете поколений
 Ты говоришь в ночи, я знаю, гений
 Твой дивно одинок, и оттого
 Ты, как безумец, Бога самого

Зовешь себя в свидетели и зычно
 Глаголемь, как Исайя, неприлично
 В пустыне вопиющий трубный глас...
 Ты не один. Я слышу. Двое нас.

19.

Я за тобой через четыре года
 Иду затем, чтоб нищая свобода
 Твоя прошла оружием сквозь меня
 И обернулась эхом, чуть звеня
 Там — за моей спиной в пустыне новой,
 Что станет для грядущего основой,
 Когда наш век завост, старый волк.
 Травить его — наш долг, последний долг.

20.

В окно смотрю, как ты сегодня ночью,
 И вижу: настъ предела многоточьем
 Провидческих стихов твоих, поэт.
 Что и стихам твоим предела нет.
 Не этому ль и я, тобой обучен,
 Дивлюсь, как ты, столь неблагоприятен,
 Что мне нужны стихи длиною в ночь,
 Чтоб не себе, так другу чем помочь.

1970.

Дмитрия Бобышева

Святитель слов, твой тихий свет
 В молчанье обновляет вещи,
 Когда тоски тугие клеши
 Так душу жмут, что дела нет
 Ни до чего, и не до песен
 Уже, не то что до сует,
 Настолько душен Марса цвет,
 Что даже мир неинтересен
 В таком стечении планет.

Тогда лишь ты, святой поэт,
 Молчанья горечью высокой
 И пристальностью круглоокой
 Мне возвращаешь юность лет,
 И я иду тебе вослед,
 И слышу твой, уже таков,
 Что слово — грех, и не рискую
 Назвать его душе во вред.

Да и зачем?.. Вещей завет
 Все тот же вечный, что от века,
 Когда усилением человека
 Мир назван был, но не согрет,
 И оттого, как лебедь сед,
 Он в песне Слова лебединой
 Взят тишиной, еще незвиной,
 И возвращен Творцу в ответ.

Но есть надежда, что поэт
 Распадет плоть свою, как почву,
 И передаст ее, как почву,
 Творцу, оставив свой скелет
 Некошеной траве во славу,
 Дождям и ветру на забаву,
 Так и не вымолвив секрет.

Останется лишь силуэт
 Полуотлежавшей крестовины,
 От коей, как от пуповины,
 Оторван смысл, простыл и след
 Горчайшей истины запретной,
 Тогда уже ветхозаветной,
 Как на нее уная запрет.

Так ты пред истиной раздет,
 Мой друг, и твой удел завидный —

Молчать, откуда вопль бесстыдный
 Любви не обратится в бред
 Святой, почти уже невнятный -
 Тот момент невероятный,
 Который суть от лишнего нет,
 Первой ли и кокурини
 Словес до самой сердцевины
 Отшелушат, и рафы руины
 Обрушатся, сойдут на нет.

И, темной тини расцвет,
 Забрезжит звук, и, полногласный,
 Вокруг Словом станет жарко-красный
 И раскаленный смысла цвет,
 Раскаленный в молчанья тигле...
 Тогда-то мы не фига-мига -
 Проявленный водой портрет
 Увидим и смиранный голос
 Поэта, от стихов на волос
 Не отличимый в смехе лет
 Расслашим... В нем неправда нет.

1970

Александру Олиганову

1.

Оттого ли, что ниц твой Христос и незрим,
 Сдарила тебя Бог ницетой, и за это молчаньем.
 Брат мой, ницонка муза твоя, сам ты нули, нилигрини.
 Занесло к тебя к нам на базар, где с животным урчаньем
 Рим крошечный влагалище речи сосет.
 Занесло к тебя... Эдак
 Разве слово заносит на рифму, поэт
 Мерный синтаксис "лазара". Радок
 Нам язык, точно рваная сеть.
 Не уловил сей рванья достаточно рибн.
 Но затем, что ницего "лазара" неть
 Нужен великий ловец и достаточно ницый,
 Посматывает нам Небо преобраз покий
 Ницети христианской, апостолов, дабы
 Мы смогли их распять пред собой лишь за то,
 Что невместно посланникам Бога потерто слов решето.

2.

И за то, что ниц твой Христос и незрим,
 Не заметят крушенья империи Рим,
 Посыпавший на слово твое запыленное, странник,
 И могилу твою не отыщут, и время пройдет,
 И могилу твою археолог найдет,
 И пройдут времена, и в Россию, посланник,
 Ты зайдешь на советское время затем,
 Что последнему Ромулу мстят пораженным Рим.

3.

Но за то, что ниц твой Христос и незрим,
 Не поверит тебе, нестикрытый босик, серафим,
 И мечу твоему удивляться не станут,
 Разве вскользь усмехнутся твоей ницете,
 Не расслышав глагола в словесной тцете,
 И полувки никто не подаст, разве власти пристанут,
 Разве сплнет окурок студентка твоя,
 Комсомолка, скользкая взглядом змея,
 Улыбнется развратно,
 Да какой-нибудь, как называет, поэт
 Завезается сдуру на твой смлут,
 Уходящий в пространство на вечный ночлег.
 И следов не запомнит курящийся снег,
 Так явление твое невозвратно.

Виктору Кривулину

Конченный, почти полубезумный,
Семьдесят второго декабря
Дикого столетия, храбра
Не себя - кого-то на спяном,
Не пишу, увы, скорее воя
В тупике ночном календаря.

Друг подполья, кноти червеной
Страшным крапом крови ледяной,
Красным страхом переохлажденной,
Слишком ли оружием прободенной
Хитрой жизни мелест следяной?

Тсс!...- шенчу. Подполье до беззвучья
Хоть кого, сжимая, доведет.
Нет, не тишина - безумья лед
Облигает славуяся душу
И кровавит легким, наружу
Плотной выкашливая мед.

Брат подполья, кноти краплёной
Сволочь, втянувшая в игру
Лучше, что было из зеленой
Толчей надежда, ухель озленной
Здать мухля, еле ль метать яру!..

Что играть! Разыграна подполья
Сволочь зелена толчей.
Ни надеж, ни кноти... Пляя
Ледяной, разжеванной кровью,
А кладу колодой и иглоуль
Календарь, где братья - ты и я.

Борису Куприянову

Кто подумал чтоб жизнь была беда,
А самой страшное бедой была свобода?

Б.К.

Ты ли, восток жестокая, душу его сокрушишь!
Вот пришел я вратник рекушей дороги Улуса,
И со мной — один, благодатное слово Зевеса
Уцелевший плесец, ставший нулем в сиктаньях, маши.

Подали его Гок! Он — единственный кутной Ајини
Копьеносец смиренный, и браня ее, не браня
Пред тобой утверден. Дивный поэтист его соловьиный
Гвет мне душу, и раной болит, и грозит предом шой.

И заслушался я, пораженный. Какое смирение
В этой песне ушло и раучей из сердца печаль!
О, владчица поэзия! Жизнь оуровой не жаль,
Только о слышать такое, тобой прозвучавшее несье!

1973

СА Н К Т Ъ - П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

Петру Чайгану

Кто там скачет, хохочет и вьзгою гремят?
Это Санкт-Петербург. Бронза, хлеб и гранит.

Не Орфей, не Евгений, но, ветром гоним,
Со стихией — стихия — беседу с ним.

Петербургъ — это больше, чем город и миф.
Слику вой проводов. Это — лирный прилив.

Город мой! Всероссийский, античный бред!
Сколько слышал ты диких и тихих бесед!

Не твоей ли красе золотая тоска
Нашей лирной грозе выломала каскад?

Я люблю твой знобящий, завязанный вид,
Город лины моей, куткай сон асид!

Нет, не Тибр и не море — студеная зыбь
Петербургской Вези — нафизина и гриппи...

И не стон Зврядни, но струнная медь
Будет в сердце гранита нестройно гремять.

За надрывную муку орфических струн, —
Заплываю тебя, Сальконетов бурн, —

Вознеси мою душу превыше коня,
Или прозрачный всадник раздавит меня!

Но за дивную мою триумфальную громаду
Я готов и к погоде, и к визгу менад.

Кто там скачет? Умалки неизблемый конь?..
Сколько русских пазцов и столько грузинских погонь.

Сколько грустных провинцев, над каждами — Анкурт.
Кто там скачет? То — Кастор. Держись, Петербуртъ!

И за ним Полицевк... Диоскури в ночи,
Это Пушкин и Лермонтов к вам, палачи!

Это Клавей и Блок по натам, по натам,
Кодасевич, Кузмин, Гумилев, Манделъштам...

И зрелия с ними — Ахматова... Ах!
Я еще там кого-то забыл впопыхах...

Но довольно и этих. Стихи, стихи!
Эх, Россия, Нессия... Кресты, вертухай...

1973

К ДРУГУ МОЕМУ

К. Кузьминскому

Куда мне притуляться с собачьим умом?
 Приклонь ли голову между чужих ног,
 Положу ли лоб мой на лоне самом
 Природы, на газон любой, всюду, видит Бог,
 И молитву уснувшую проскуля псаемом.

Куда мне приласкаться, прилечь голову?
 Где бы я ни зная печаль, с плачем ни шел,
 Повсеместно, как собака, за палкой плизну.
 Прилизу, а господни мой уснул — околею.
 Ни к чему игрушка труну. Напрасно зову.

Куда я за Господом, исина, побреду?
 Кто плетъ за палкой инсму кому?
 Смекачи всегда найдутся на ному беду:
 Почитай стихок, веряга! Почет по уму...
 Вот те палка... никак, никак наменску дуду!

Отчего я понимаю волчешку тварь?
 О, зачем известна мне животный язык?
 Госнока вламичца, что же ты? умарь!
 Я ност возвышенный, и к палке привык.
 Палка, о, сударня!.. о, труп, государь!

А, шуты, смеетесь? ужо вам послуку!
 Зенална, у ног твоих, между... о, ликуй?
 Ну, а ты, товарищ мой, труп, я весь дрожу...
 Дуду: не поиграешь ли со мной... Не рискуй!
 Сия, мой современничек, я не разбуку.

К ДУШЕ СВОЕЙ

Какое тебе, душа, за гордость расплату
 Чистогоном получать приправой к салату
 Тайной вечера твоей, горечь окаянну,
 Пиру брань предпочитать подобно Грану?
 Какое в спор вступать аж противу века?
 Уж не гибелей ли спор тот для человека?
 Вот, повержено в постель в Сосновой Поляне
 Тело твое, моя душа, брошено, как в яме.
 Распласталось по одру, читай, не дивану.
 И никто не навестит... Как же перестану
 Плакать, дура, по тебе? Станешь ведь в чашотке
 И себя, и меня... долго ль до Чукотки
 Остается стране? Куда торопиться!
 А уж если спелить, не лучше ль топиться
 Не в воде, так в вине, коли петь тревожно?
 Право, пить веселей, когда пить возможно.
 Какое тебе со мной пить в одиночку?
 Что и никто из друзей денег на бочку
 Не положит-не придет?.. Эх, печаль-скука!
 Круговая твоя, вина! поруга!
 Много ль жаловаться мне, душа моя? Вот я
 Лезу в гранне на сей раз, выхаркав лохмотья
 Горла невчего в платок, сердце несня лемит...
 Если к Богу отлетит, кто ни похоронит?
 Повременя, о дума! заведу собаку...
 А то и бабу заведу... Любя тварь всяку.
 А еще, и эта мысль страшнее могилы,
 Мать-старуха кива... хватит ли ей сил
 Скоренить меня, когда, дума, к Богу в руки
 Попадешь, не дотерпев распята муки...
 Гордость твою, христианин, дух мой полуминный,
 Не гордания - горечь всех, дьяволов твоих и людей.
 А косему, будь честна, душа моя, но и же
 И на кресте, пусть одна, зато боли больше.

НА ОТЪЕЗД ПОЭТА

1.

Из тамошних он вывел налетки,
Поскольку багажу предназначалось
Сопроводить его недалеко —
Там, где крыло разлуки намечалось.
С вещами всё так. С дальни все они
Полчас до гроба служат без корысти
Своим владельцам. Бог их сохрани,
Коль сохранят черты старинной грусти.

2.

Из тамошних великий человек
На волю, если воздух нам уместно
Назвать свободой, впрочем, неизвестно
Била ли воля на пути в ковчег,
И все же он тогда на волю вышал
И, передав старинный образец
И, передав старинный образец
Охрене (обнаруженный при шмоне,
Предмет блеснул прощально на ладони),
Шагнул к друзьям, безмолвен и высок.

3.

Мы сгрудились при нем в последний раз.
Казалось, грусть сама была среди нас
И Родина в глазах стояла морем,
И это нам сейчас простором, горем
Уже невыразимым в тесноте
Представилось, и оттого в округе
Соврачной глаз сильнее на друге
Сосредоточилось, как солнце в востоте.

4.

Но вот уже, в автобус помещен,
Поэт один грустью освещен,
Которая, казалось нам, за дверь
Уже не уступала недоверью
К Судьбе, стоявшей вразрез в глазах,
Как бы качая слезы на весах...
Последний взмах руки, последний взор,
И вот не омыт Империи позор.

5.

Впоследствии, встречаясь меж собой,
Мы первый тест в его воспоминанья
Творили, говоря, — Свое преданье...
Последний взмах руки, последний взор,
И вот не омыт Империи позор.

Но что нам предстояло, мы не знали.
Мы ждали проты, чуда, перемен,
И каждому из нас вослед сияли
Его глаза поэзии взамен.

6.

Так в памяти с тех пор и повелось:
Его глаза и наши - море сквозь
Прощанье преступившее - простор,
Где друга не отыщет влажный взор,
Как бы и впрямь ужасное стряслось,
И пусто стало в Питере, в душе,
Где, если и при нем-то не яилось,
То с этих пор не сдобровать уже.

7.

Не зная как поднялся самолет,
Но, оторвавшись в полдень от земли,
Он оторвал не то, что мнилось - рот
От матери, но сына от семьи.
Гляжу на небо. Где-то в вышине,
Есть может, кто и вспомнит обо мне,
Но мне-то вспоминать о друге. Он
Пусть примет от земли моей поклон.

ВТОРОЙ ОРФЕЙСКИЙ ГИМН ФЕВРАЛЮ

Свистящий и режущий, режь и свисти,
Снигай мою душу, февраль!
Пока я, как снег, не растаю в горсти,
Расти и врасстай в меня, враль!

Прощай мой печень отравой вина
И жизнь мой сном ободги!
Душа твоя смертью моею пьяна.
Нарешивай, сука, долги!

Креки меня, надло, в надучей трюси!
Не парусник я, чтобы дна
Бояться - живой я, не нзе еси,
Но жизнь во мне только одна.

Одна. Да, одна. Оттого и зову
Тебя наоборот меня. Ну!..
Бери, да и что там! Я пьян наяву,
До сна же едва ль дотяну.

Пекельце ль, могила ли там впереди,
Иная ль какая печаль...
Я пьян, да и полно. Дюжино в груди
И блядь на коленях, горчаль.

Прогорк я, отравлен. Ванханка визжит.
На сердце же льдыня, тоска.
Любовь ли то плачет, окно ль дребезжит,
Но скрипка свистит у виска.

Ошибся. Транзистор то, Григ... Он зашел.
Я запил. Прости мне, Адель!
Немного я в жизни и в сердце имел,
Но выга моя колыбель.

И ныне я слышу: не Сольвейг зовет,
Но дикая скрипка-метель,
И, если мне сердце тот звук разорвет,
Февраль разберет мне постель.

В сугробе меня убавкает он,
Качая курящийся снег,
И буду я сливать не хор похорон,
Но выгу, но ветра разбег.

Российская стужа, норд-ост колотун
Убьет меня гильей и тьмой,

Зане я касался орфических струн,
И дух мой не слился с тирьмой.

Прими же меня в этот музыки строй
И в оргии душу мою
Орфической, отче Дионисе, укрой
Полцей стихией, молю!

1971

САМЫЙ СНЕЖНЫЙ ДЕНЬ ЗИМЫ

А.О.

Вчера был самый снежный день зимы.
 Я умотался. Снег сгребали мы.
 Что делать, если служба такова!
 Не все же грудить мир, сгребать слова!
 Приходится лопатой и движком
 Работать на морозе со снежком.
 Кому-нибудь приходится в метель
 Распутывать погоды канитель!
 Кому-нибудь и нравится... О да!
 Вчера и я пришел к тому, когда

Мы вышли кое с кем расчистить двор
 И тротуар. Нам ослепило взор,
 Едва взглянули мы на снегопад.
 Нам калтизна березовых лопат
 Казалась кислой, как во рту лимон.
 Сугроб соперничал с известком колонн,
 А черная ворона над Невой
 На переключке с черной полынью
 Соперничала с глубиной: что черней -
 Крыло вороны или вода под ней.

Работая без отдыха весь день,
 Молчали мы. В ушанке набекрень
 Один был. На другом торчал картуз.
 Как будто на смоленские француз,
 Приятель мой ворочался в снегу
 В испарине, при этом ни гугу...
 И если и нибал кого мороз,
 То не его. Он так в лопату врос
 Руками, что метель, его крутя
 Как мельницу, молола снег шутя.

Когда же был объявлен перекур,
 Мы отгледелись тайно сквозь прищур
 Промокших век. Мело из-за угла.
 Колелась Петропавловки игла.
 Она прошила ватники в местах,
 Где что-то колотилось в лоскутах.
 Тогда я кой-кому сказал, - Гляди!
 Что там? Уж не весна ли впереди?
 И он промигнул: "дай мне рубль взаимы,
 Сегодня самый снежный день зимы".

ПЯТЬ МИНУТ ПОПОЛУНОЧИ

Внезапно завершился черный день.
 Он так тянулся, будто паутина
 Из паука... И вот из карантина
 Он вышел. По стене скользнула тень
 Минувшего, и дверь слегка запела,
 И тишина точь в точь остолбенела.
 Так Время пополуночи плотней
 И явственнее сделалось... Мгновенье,
 Остывшее, как яблоко в Успенье,
 Назрело, чтоб упасть, и Водолей
 Тягучую струю нагнул к фрамуге,
 Где двое, пополуночники, в испуге
 Глядели друг на друга, их зрачки
 Тянули нить любви, как науки
 Серебряную нитку на карнизе...
 Две головы кренились, точно в Пизе
 Наклонная громада. Два плеча
 Вздвигались над другими и, крича,
 Взлететь пытались... но держало Время —
 Материя молчанья, чтобы семя
 Мужчины превратилось в сок густой
 Последнего мерцающего мига,
 И полночь отвалилась, как верига
 От звеньев дней, ковригой золотой,
 И сытный миг, разломлен, как буханка
 На два куска, открылся — весь изнанка
 Двух ненасытных глоток, поцелуй
 Став тисне вечных Водолея струй
 И пять минут продлился от начала,
 Когда душа любви не различала,
 И черный день, как тень, в углу стоял,
 Как бы обонх тьмою обаял.

П О Р Т Р Е Т

Зачем гляжу на твой портрет
Мне этой мысли не осилить.
Но здесь магический секрет
И линии перекошились,

И все тревогой смещено:
Плечо, рукав, шея и шея,
И ясно так освещено,
Что прядь волос на лбу рывнет.

Здесь ожил черно-белый тон.
На горле тень от подборедка
Легла, как бы неслышимый стон,
И труден этот вздох короткий.

Его стерпеть неумоготу,
В тоске читаю, как по нотам,
Прекрасной моей наготу
За душим платья отворотом.

И каждая твоя черта
В моих руках берет начало.
Такую тень читать с листа...
Всегда бы так со мной молчала!

Но за тобой такая мгла,
Не втиснуться в нее, не влиться,
И если бы душа могла,
Она б в ней высветила лица,

Она бы вылепила их -
Всех тех, кого в других не видим,
Ведь там, среди любимых тех,
Стоял и я, почти невидим.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Ю. Ш.

Давно так не звездило по ночам.
Все осень, осень, облака да тучи...
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда!
Хоть весь продрог, я не о том скорбля.
Смотрю в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Все ветер, ветер, сумрак и ненастье...
Пусть непогода треплет наши счастья,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... это позади.
И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Все свечи, свечи, тусклая кавта
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам,
И, ужас наводящая, свобода,
Когда покой, как призрак в тишине,
И дух не утоляет непогода,
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство: комната и книги...
В пространстве туч имперские квадриги,
В эпохе даты - все по палачам.
Лишь палуба Летучего Голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса,
Свободен дух, но и скитанье - плен.

К В А Д Р И Г А

Светлой памяти Пушкина

Нет ничего ужасней и странней
 Квадригой черной сросшихся коней.
 Имперской бронзой ставшие навек,
 Они тебя раздавят, человек!

Чудовищны четыре жеребца,
 Застывшие над лаврами венца.
 Звериная душа, металлом став,
 Ослепотчила тварный свой состав.

Уже не всадник, слившийся с конем, —
 Зверособразный памятник. На нем
 Печать узурпаторской узды —
 Вздок, забравший дуткие бранды.

Уже не конь, что издали — кентавр —
 Над колесницей лицемерный лавр, —
 Тавренный и подкованный табун,
 А сверх всего — орел, не то горбун.

Триумф когда-то горного орла —
 Звероподобье, в коем умерла
 Пробраза божественная часть —
 Над зверем человеческая власть.

Колеса не прибавили коню
 Величия. С квадригой не сравню
 Пегаса, распластавшего крыла
 Превыше бронзы, лавра и орла.

Прекрасен и высок без седока
 Сей конь, чье беззаконье на века
 Крылами попирает испокон
 Звероподобный, вадмоленный Закон.

С Ф И Н К С

Угасный зверь!.. Прекрасное лицо
В нем женщину таит с глазами бездны,
Но львиные объятия железны,
И этой мощью замкнуто кольцо.

Расщеплена пленительная суть
Смеренным нутра звериным смыслом,
И, если привести загадку к людям,
В ней бесконечность можно разомкнуть.

Двуполюй образ - роковая смесь
Раздвоенных частей при двуединстве,
И в объединен двух начал бесчистоте
Единая зина пред третьим есть.

Но в чем подмена? Сей прелестный лик
Предполагает женщину и телом,
Но лев за носками ее пределом
Предполагает лютый львиный рык.

Власть женщины, смиряющая льва?
Иль, может, лев, глядящий нежной бездной?
Нет. В целом зверь поруков железной
Попрал кого-то третьего права.

Кто он? - Скорей всего, конечно, лев,
Поскольку лодь лица скрывает нечто.
Итак, лицо... - жена!.. - А ниже плеч-то!..
Ужасно! Замкнут круг. Пред нами - блеф.

Разгадки нет без третьего лица.
Зверь неспроста во образе двоятся.
В лице, как видно, мать его таится,
В породе же сквозят черты отца.

В смешении различных двух природ -
Весь человек, что надругался глине.
В насильнической этой образине
Поруганы: он сам, земля и род.

Увы, один!.. Сей Сфинкс не твой ли рок?
Его черты искалены обманом.
Не стой же трепеща пред истуканом!
Над бездной он дает тебе урок.

Неужто азнат?
 Нет, россиянин ты.
 Тому свидетель мат
 Отменной чистоты.

Тому свидетель нрав
 Смирный и крутой.
 Себя перелюбовав,
 Ты вспомнишь нечто. Стой!

Не европеец ты
 За так себя листать.
 Мы русичи, прости
 Друг друга опростать.

Интер характер ваш.
 Росс торговаться рад.
 Тысячелетний стаж -
 Крестьянский ваш уклад.

Европа? То - поклон.
 Монголы? Экий срам!
 Не и немцу ль на поклон?
 В Царьград, в Софию, в Храм!

А то и на Восток
 За Обь, в Сибирь, в Сибирь!
 Миллион свисток,
 Байкал и Анадырь.

Да мало ль этих дыр!
 Возьми хоть Сахалин,
 А то Алдан, Таймыр
 До самых украин.

А то и Колыма...
 Оттоль возврата нет.
 Вселенская тюрьма,
 Привет тебе, привет!

Да кто же ты? бандит?
 Бродяга или вор?
 Да русский я, инит,
 Не лав на забор.

По мне закон - закон,
 А беззаконье - осклад

Характера. Погон
Не винову. *Vivat*

Азиец, славянин,
Отчасти фини, варяг,
Олег от ильини,
И от богатства наг.

Так, от природы гол,
Как все вокруг, уни,
По матушке - сокол,
По отчеству с Неми.

1969

НА СМЕРТЬ ПАТРИАРХА

Сила Господняя с нами.
Снами измучен я, снами.

И. А.

На грани эпох постигает смерть
Избранных Рона.
Еще мы в прошлом, но дней круговерть
Вдруг захлестнется розой в смерч
И странно-точно разит как меч
Праведно или жестоко.

Времени нож отсекает пласт
Безвременья века.
И вот человека не дернит наст,
Сугроб синихив, хотя глыбаст,
Скворец летит - воробью задаст,
Цветет лесосека.

Христова Пасха... Христос Воскрес!
Восстанию с нами.
Тленный прама покров разлез
И свет грядущий сквозит в разрез
Семидесятого года чрез
Мучение снами.

Виду несбыточные лишь сны.
Что за причуда!
Нет, не сбывало такой весны!
В Сосновой Поляне лишь две сосны,
И те засыхают, настоль пресны
Шанси русского чуда.

Нет, не случайно в сей час почил
Старец Владико.
Есть времена, их Господь различил
Грозным влияньем ночных светил:
Там, где двуглавый орел коттил,
Нарывала гвоздика.

Странной печатью упал пентакль
На православье.
Нет, не случайно в Москве миракль
Пал на Страстном... На сей спектакль
Поседоносцев глядит в монокль
Из предисловья.

Если Россия - водораздел:
 Время и Лета,
 Певец воронежский правду пел,
 И потому лишь донять успел,
 Пока хребта крылом не задел,
 Что гора сия ираном одета.

Красный Восток стал совсем лживым.
 Черное солнце
 Светом черными кресты куполов
 Окровавляет... Сколько голов
 Катит наш век, а всего-то делов -
 Прорубаем оконце,

Цель, не в Европу на этот раз
 И не в Царьград, чай, -
 В небо - спастись - захлащенный лаз
 Чаем расчистить, и, пробил час,
 Стадо спасет лишь смиренный Спас
 Простые Отчей.

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Иногда пришли к Елеонской горе,
Он послал двух людей, — Пойдите в селенье.
Там найдете ослицу, и с ней во дворе
Осленка. Скажете, когда появление
Ваше странным сочтется хозяевами,
Что нужны они Господу. Будут за вами.

Эти двое пошли и вернулись тотчас,
Как сказал Он, с ослицей, и с нозем осленка
Привели. Положили одежды свои
На двох подъяремных под крики ребенка
Из селян, что столпились поодаль, дичась.
Он же сел, улынувшись. Животные тихо
Побрели. Впереди за Кедром вставал
Гордый город, что столпих почтив, предавал
Личь пророков своих, и теперь, как шутка,
Рассыпался пред Ним в лицемерьи похвал.

Бедняки из округи стекались к дороге,
Постылали одежды в дорожную пыль.
По стени расстился в смущенной ковчиль,
В отдалении суйвол ревел круторогий.
Солнце плавиле воздух, играл в потоке,
Воспаря апрельские силы земли.
Токи Времени к солнцу растенья вели.
Надвигалася Пасха на город жестокий.

Люди ветви с деревь-сбрезали пред Ним
И стелили, стелили... кричали: Осанна!
Славься, Сыне Давидов, зане осаним
Всенародно Тебя и придем покаянно.
Ты Израилю возвращаеши знамя.
Благословен Гряди! Бога во Имя!
Во Имя Господне Гряди, осанна!
Вот она — Израилю манна!

Люди встречали Его на царство.
Но, спустившись с горы и заведев город,
Он заплакал о нем, зная в сердце зверство
Тех, кто ныне восторжен, а завтра — Ирод,
Не иначе, каркнет пред римляни раки:
"Кровь Его на нас и на детях наших!"
Крови! крови! осанна! распни! распни!
Иерусалиме! Голгофа огни!..

Но дорога вела к Золотым Воротам.
 Фарисеев толпа из народной бредни
 Волновалась, — Учитель, не вышлоб бедн!
 Он сказал им в ответ: "Если б даже золотам
 Запретить и умолкла, то возопиют
 Камни, слышите, камни, и эти поют".

И сказал Он: "Когда Он и ты хоть на миг
 В день твой, камень сердец, горюх крови,
 Мог узнать, что на камне развалин воздвиг
 День грядущий твой образ, восстановленный вновь!
 Если б знал ты, что служит сегодня и здесь
 К миру, Храм, твоему! Но и камни на камне
 Не оставит в тебе, ибо ныне и здесь
 Не узнал ты сверхъестественных судьб твоих давней".

И когда Он вошел в него, выгнал в сердцах
 Продавцов из Храма и тех, кто купались,
 Говоря им: "Здесь молятся. Вы же набились
 Что в свинарню скоти. Или на продавцах
 Дом сей дерзает? Сказано: Домом молитвы
 Дому быть моему". И вот этой-то битвы
 Не простила Ему фарисейская спесь.
 Не доктор Он был, и оказался в нем весь.

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Отче! Кто-то скребется пером...
 Уж не птица ль, не птенец?
 Отче! сердце горчит...
 Север сердце колотит. Пишу топором
 По льду крови моей, а оно как бубенчик...
 Да, оно так сердчит. Переперчили бром...
 Что еще! что еще, если петел кричит,
 Крипный кочет,
 Если крик его в горле перчит,
 Если венчик,
 Если венчик безумия станет добром
 И завинченный в нервы еврейский погром
 Брому в венах Перцовкой перечит?
 Что еще! что, спрошу, петел трижды излечит,
 Если Кида и Крест основанием вверх?
 Авраам! ты не избранник стал патриархом
 Но избранник народами брани Страстотерпца
 Разгласить столь насильственной кровью своей,
 Оттого что разгромленный черным еврей -
 Массманства победа и камень для сердца.
 Ледяным бубенцом расколосось оно.
 Петел трижды кричит. И Петру суждено
 Слышать перьев царпанье в черных бумагах.
 Твой Израиль горчит в европейских завмагах,
 Переперченный бромом намеренья жить.
 Надо землю горьчичника так заложить,
 Чтобы тридцать цени обратилось в цене
 Христианством с Крестом на Господней спине.
 И тогда, откупив эту землю ценою
 Европейского срама,
 Растворенный в народах Спаситель бедлама
 Обретет возмещение шпостола тьмой
 Крови, застывшей Слово Твое предо мною.

1970.